

Р. М. ЛАЗАРЧУК

**«ДНЕВНЫЕ МОИ ДЛЯ ПАМЯТИ ЗАПИСКИ,
ИЛИ ЖУРНАЛ ДНЕВНОЙ» А. Т. ЯРОСЛАВОВА
(Проблема жанра)**

Интерес к отдельной человеческой личности, убежденность в её неповторимости, осознание её значительности и ценности, во многом определившие развитие русской литературы второй половины XVIII века, вызвали к жизни особую литературу. Л.Я. Гинзбург назвала её «промежуточной», «не включённой в традиционный ряд» [2, 9]*. Это письма (их публикация и исследование входили в сферу научных интересов Владимира Александровича Западова [9, 259–337]), мемуары, автобиографии, наконец, дневники.

Расцвет дневниковой культуры ещё впереди: в 1820–1840-х годах интимный, психологический дневник, где внимание автора сосредоточено на собственном внутреннем мире, активно вторгается в литературу, определяя одно из важнейших её течений [16]. В XVIII веке этот жанр переживает период формирования. Дневниковая культура XVIII века практически не исследована. Нет ясных представлений о составе этого явления. Не изучена и типология дневника. Предметом литературоведческого анализа становятся, главным образом, дневники писателей (сентиментальные журналы М.Н. Муравьева [5, 15–16; 6, 202; 15, 117–120; 12, 518–522], «Итальянский дневник» Н.А. Львова [8, 102–113; 1, 218]). Зависимость некоторых из этих текстов от литературы, а иногда и явная ориентация на литературный образец уже

---

* Здесь и далее в статье в квадратных скобках жирным курсивом указан номер цитируемого издания по списку литературы, приведённому в конце статьи (с. 221–222), обычным шрифтом – страницы.

отмечались исследователями [13; 14, 78–79]. Однако дневник (так же, как и письмо, мемуары) – искусство с разной степенью эстетической преднамеренности, а значит, и так называемое «невольное искусство» [11, 183]. Речь идёт о письмах, мемуарах, дневниках, созданных людьми, совсем не подозревавшими о существовании таланта, а быть может, и вовсе не обладавшими литературным даром. Они писали *per se* (только для себя) и для близких, не заботясь о слоге и отделке, просто и искренне.

Этой «неосознанной художественностью» отмечен и хранящийся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки дневник воложанина Алексея Тихоновича Ярославова, представляющий собой четыре тома одинакового формата (17х11) в картонном, оклеенном «мраморной» бумагой зелено-коричневого цвета, переплесте XIX века, с наугольниками из ткани синего цвета. На его корешке вытеснено: «Дневные записки Ярославова» [описание рукописи см.: 10, 51]. Каждый из четырёх томов открывается вариацией одной и той же записи: «С Богом начинаю “Дневные мои для памяти записки, или журнал дневной”» [18]. Рискнём предположить, что дневник Ярославова сохранился не в полном объеме. Первый том составили записи с 1 июля по 31 декабря 1790 года. Такой же промежуток времени, т.е. полгода, представлен и в третьем томе (4 июля – 31 декабря 1791 года). Содержание томов второго и четвертого охватывает (соответственно) первое полугодие (1 января – 3 июля) и 1 января – 13 июля 1792 года. Записи велись ежедневно, без пропусков. Разница в количестве листов незначительна: 248 и 249 – в первом и третьем томах, 226 и 244 – во втором и четвертом. Таким образом, к 1 июля 1790 года Ярославов уже нашёл и опробовал внешнюю «форму» своего дневника и примерный объём каждой «части» (около 500 страниц). Дневниковые записи за год занимают два тома (около 1000 страниц). Не зная «величины» утраченной части журнала Ярославова, мы можем со всей определённости утверждать, что сохранившийся фрагмент в структуре целого должен был выполнять роль «конца». Последняя запись в дневнике Ярославова, датированная 13 июля 1792 года, обрывается на полуслове: «ужинал С» [18, IV, 224 об.]. Алексей Тихонович скончался 11 августа 1792 года [3, 142].

«Журнал» А.Т.Ярославова разрушает привычные представления о дневнике: он создаётся не в молодости, а в почтенном возрасте (Алексею Тихоновичу уже исполнилось 65 лет, [см. о нём: 7, 185]), когда, казалось бы, логичнее взяться за мемуары. Автор дневника давно болен и по «слабости» своей [18, IV, 175 об.–176] почти не покидает дома. Однако на содержании записок это обстоятельство никак не сказывается. Отсутствие собственных впечатлений о жизни за пределами своих четырёх стен вполне компенсируется рассказами его родственников и многочисленных посетителей, чтением «Московских ведомостей», которые он получает по почте, письмами из Москвы, Саратова, Тулы. Болезнь не превратила его в меланхолика, сосредоточенного *только на себе*, на тревожных мыслях о смерти, не подавила

природной доброты, открытости, интереса к жизни и людям. Вопреки ожиданиям, объектом изображения в дневнике Ярославова становится не внутренний мир человека, а внешняя сторона неофициальной, домашней жизни, наконец, не столько *собственное «я»*, сколько близкие – жена, дети, внуки, которых он самозабвенно и трогательно любит. Стихия Алексея Тихоновича – быт, дела, радости и заботы, печали и тревоги его семьи, близкой и далёкой родни (Ярославовых, Зузиных, Черевиных, Соколовых, Волковых, Бердяевых, Батюшковых, Клементьевых), жизнь губернской Вологды.

Не традиционна и манера оформления дневника. Подполковник Ярославов, в недавнем прошлом советник Вологодской казенной палаты, находится в отставке. Четырнадцатилетняя статская служба приучила его к порядку. Страницы дневника разлинованы. В графе слева указываются число, день недели, её порядковый номер или название по церковному календарю; посредине листа сверху пишется название месяца, в колонке справа – две рубрики «руб.» и «коп.» (в них заносятся денежные расходы). Внешний вид страницы дневника Ярославова восходит к двум источникам: «журналу» (протоколу) заседаний местных учреждений и приходно-расходной книге. Подобное сочетание, на первый взгляд странное, объяснимо опытом Алексея Тихоновича (в прошлом – чиновника, в настоящем – помещика, главы дома; обратим внимание на разделение обязанностей: фактическое управление имениями осуществляет жена Ярославова – Федосья Степановна; учёт и контроль – сфера деятельности Алексея Тихоновича).

Столь же очевидна связь между формой организации материала и сознанием человека XVIII века, привыкшего к жесткой регламентации поведения. Композиция подневной записи определяется постоянными рубриками. Их названия располагаются посредине листа: «Были у нас», «Обедали у нас» (или «у меня»), «Ужинали», «Приход денег», «Расход денег», «О погоде». Огромный и разнообразный материал вступает в противоречие с этими классификационными принципами. В таких случаях название рубрики и её конкретное содержание оказываются связанными опосредованно, например, через «источник» информации: «...Шахматов¹ принёс полученное сегодня из Москвы уведомление от 14 ч<исла> <...> о кончине князя Светлейшего Григория Александровича Потёмкина Таврического. Он был болен лихорадкою, и болезнь несколько раз переменяла[сь] и наконец 4 октября² умер на посланном плаще, на лугу, по дороге от Ясс к Николаевской крепости, отъехав от Ясс 30 верст. Упокой душу его, Господи» [18, III, 139 об. – 140]. Однако чаще всего подобного рода материал помещается вне «рубрик»; его самостоятельность и важность подчёркнуты композиционно: он выно-

¹ Петр Андреевич Шахматов – секретарь Вологодской палаты уголовного суда [18, III, 164 об.].

² Г.А. Потёмкин скончался в ночь на 5 октября 1791 года. Цитируемая запись из дневника Ярославова относится к 22 октября 1791 года.

сится в начало подневной записи. Возникновение этого пласта журнала Ярославова объясняется особым отношением к описываемому: оно воспринимается как *событие*. Здесь есть своя иерархия ценностей. Одни события связаны с Домом и освещены родовой памятью. Это записи ретроспективного характера. Их немного, и они всегда «привязаны» к именинам, дням рождения и смерти его близких родственников, биографии которых строятся по одному плану: время и место рождения, восприемники при крещении, лета (для живых – в настоящий момент; для мертвых – возраст, в каком они завершили свой земной путь). Естественно, что автобиография Алексея Тихоновича могла появиться в его дневных записках только 30 сентября: «Сей ночи 1726 году я родился в старинной вотчине и доме отца моего, в селце Нестерове, которое тогда было Ярославского уезду в Череповской волости, в приходе церкви Пресвятыя Богородицы, что в селе Филиппове, чему сею ночь[10] ударит 65 годов. И оной церкви я попом Григорьем Кузьмичем <...> крещен <...> А восприемники были о святыи купели князь Михайла Степанович Валбольский и Анна Даниловна, жена дяди моего подполковника Петра Матвеевича Ярославова» [18, III, 109 об.–110]. 10 ноября 1792 года, в день рождения сына Тихона, Ярославов запишет его биографию [18, III, 164]; 16 июня 1792 года – в день именин Тихона – вспомнит о смерти своего отца – Тихона Михайловича [18, IV, 214 об.–215]. Эти фрагменты текста, находящиеся в разных томах журнала, отнюдь не изолированы. Краткий биографический очерк об отце, скончавшемся на 85-м году жизни в селце Борисовском Ярославской губернии, завершается словами: «Боже милостивый, упокой с праведными душу его. И <...> лицо твое освещает <...> сын наш Тихон Алексеевич Ярославов, что ныне бригадир и <святого> Владимира кавалер и саратовский вице-губернатор. Дай ему многие здоровые и благополучные годы» [18, IV, 214 об. – 215]. Человек своего времени и своего сословия, Алексей Тихонович ощущает живую связь разных поколений дворянского рода Ярославовых, заботясь о его продолжении и процветании.

Второй «памятный» ряд составляют события государственного значения. Они могут относиться к недавнему прошлому (двадцать восьмая годовщина коронации Екатерины II – [18, III, 100 об] или настоящему (дни тезоименитства императрицы – [18, III, 186–186 об] и рождения «Всероссийского наследника Великого князя Павла Петровича» [18, III]). Сообщения об этих торжественных датах чрезвычайно лаконичны. Описания событий общероссийского масштаба напоминают газетную хронику тех лет и информацию «Московских ведомостей», в частности. Такова запись от 8 сентября 1790 года о торжествах в Вологде по случаю объявления Манифеста о заключении мира со шведским королем: «При вечере молебн благодарный совершал архиерей Иришей с колокольным звоном и с пушечною пальбою, и во весь день у всех церквей был колокольный звон; в соборе у молебна были губернатор, и присутствующие дворяне, и граждане, и довольно народа, и все шенные шведские штаб- и обер-офицеры, кои обедали у

губернатора» [18, I, 100 об.—101]. Общественно-политический слой журнала Ярославова тонок. Выходов за пределы XVIII столетия немного. Один из них связан с воспоминанием «о море на людей в граде Вологде»: «Мерло в то давнее время много <...> Мор был от создания Мира 7160 году, в царствование Алексея Михайловича» [18, III, 135—135 об.]. Фрагмент (об этом говорят его стилистика и характер датировки исторического факта) воспринимается как рудимент исторической хроники или записок «летописного типа», т.е. тех жанров, из которых в конце XVII — начале XVIII века постепенно выделялся дневник.

Любопытен контекст, в котором появляется запись о море. Живя в *новом времени*, в самом конце XVIII века, А.Т.Ярославов остаётся человеком, сознание и мироощущение которого определяются представлениями *Средневековья*. История начинается для него с Сотворения Мира, а основными вехами года становятся праздники, знаменовавшие события из жизни Христа, и дни святых. Это третий (*литургический*) памятный ряд журнала Ярославова, представленный записями разной степени подробности: от лаконичного указания («Сей день праздник Покрова Пресвятыя Богородицы» — [18, III, 111; IV, 123 об.] до обстоятельного описания (а иногда и объяснения) сути праздника, например, «Входа Господня в Иерусалим» («Вербное воскресенье») — [18, II].

Запись о море сделана 18 октября 1791 года, в день апостола Луки, когда в церкви Всемилоственного Спаса традиционно совершался Крестный ход: «...церковь, нарицаемая обыденной <...> прежде сего была деревянная и построена в один день. И в тот день по милости Божией прекратился в граде Вологде мор на людей. Мерло в то давнее время много, и тот день в память милосердия во оныя день установлен, и каждый год бывает ход со с<вятым> Крестом и с благодарным пением <...> Спасу Христу, Богу нашему. Ему навсегда слава, и держава, и поклонение от всех народов во веки веков буди будь. Аминь. Во оной уже каменной церкви образ Христа, Спасителя нашего, тогда написан и обложен золотом, литою ризою, от бывшего в городе воеводою коллежского советника Николая И<вановича> Давылова. С оного образа такой же меры по усердию и по вере жены моей Федосьи Степановны списан <...> [и] сегодня отнесен был в церковь С<вятого> Николая к ранней литургии, у которой <...> и Феня была и служила молсбен Всемилоственному Спасу. Издержала денег 15 коп<еек>» [18, III, 135—136]. (Запись «Мор был от создания Мира 7160 году, в царствование Алексея Михайловича» сделана на полях в дополнение к основному тексту.) Логика движения мысли Ярославова понятна; она определяется потребностью, быть может, и не очень осознаваемой, связать жизнь своего дома с историей своего города и своей Родины. События настоящего обнаруживают свой смысл только в контексте рассказа о прошлом. Однако подобное сопряжение разных времен (литургического, исторического и биографического) в целом для дневных записок Ярославова не характерно. Его журнал отвечает главному принципу дневника — это «фиксация «только что»

случившегося» [17, 98]. О том, что соблюдение хронологической последовательности было для Ярослава незыблемым законом, свидетельствует характер дополнений, вносимых им в текст подневной записи. (Алексей Тихонович писал набело и, безусловно, перечитывал написанное). Обнаружив пропуск, он сознательно отказывается от записей ретроспективного характера и настойчиво ищет место для сообщения о событии, выпавшем из его памяти, на странице того дня, когда оно произошло. (Не случайно в названии сочинения Ярослава дважды повторено слова «день»: «Дневные <...> записки <...> журнал дневной»). Чувствуется, что Алексея Тихоновича мало заботит «окружение», в которое попадет сделанное им дополнение. Так, запись глупо личного характера («Сей день память по матери моей Наталье Алексеевне. Она в сей день умерла» [18, IV, 87]) оказалась вставленной между записями о расходах. Чаще всего с этой целью использовалось свободное место в графах «руб.» и «коп.» [18, III, 145 об., 148] или на полях слева [18, III, 143 об.]. Едва ли не единственное исключение сделано для сообщения о смерти вологодского губернатора Петра Федоровича Мезенцева, скончавшегося 8 апреля 1792 года. Это печальное известие открывает запись от 9 апреля 1792 года. Нарушение принципа хронологической последовательности объясняется не только официальным характером лица, важностью события, но и подробностью описания: это краткий очерк, еще точнее, некролог [18, IV, 144].

Другое, столь же неукоснительно соблюдаемое Ярославовым, правило заключается в предельной объективизации тона, сознательном отказе от своего видения изображаемого, своей точки зрения. Его дневник неожиданно сух и сдержан. Даже воспоминания, несомненно, дорогие для Алексея Тихоновича, будучи записанными на бумаге, оказываются лишенными настроения. Такова запись от 1 декабря 1791 года: «Сегодня празднует С<вятая> греко-российская церковь С<вятого> пророка Наума. В сей день в Архангельском городе отдан я был диакону церкви Рождества Христова Василию Якимовичу, имея себе отроду семь годов, по-российски читать и писать с помощью с Божией выучился скоро, менее года. Со мной отдан учиться <...> Иван Васильев сын Шитов, но ему, как говорят, грамота не далась. А отец мой тогда был в Архангельском гарнизоне полковником. И все уже скончались. Упокой их, Господи, в царствии твоём» [18, III, 202 об.]. Может быть, причины подобной сдержанности следует искать в каких-то особенностях личности Ярослава, складе его характера? — Отнюдь нет. Эмоциональность и даже поэтичность его натуры обнаруживается там, где её меньше всего следовало ожидать, — в сообщениях о погоде: «Сей второй день октября был также прекрасный, как и вчера, но с ветром; а ночь и тепла, и тиха, только темнее луна освещала сквозь облако» [18, III, 113]. Значит, нейтрализация личного начала в записках Ярослава намеренна. Но ведь они создаются в эпоху сентиментализма, когда главным объектом литературы становится внутренний мир человека, когда чувствительность воспринимается как

«религия сердца», «основа отношения к миру» [6, 206], когда письма и дневники оказываются школой самопознания, самонаблюдения и самоанализа...

Что побудило Ярославова вести «Дневные <...> записки»? Он принял это решение самостоятельно или последовал совету своего «доброего приятеля» и «крестового брата» [18, IV, 88] Алексея Александровича Засецкого? – Неизвестно, да и не столь важно... Четырёхтомный журнал Ярославова – эта энциклопедия вологодской жизни начала 1790-х годов – стал своеобразным дополнением к «Историческим и топографическим известиям по древности о России и частно о городе Вологде...» Засецкого (М., 1780; изд. 2-е.: М., 1782).

«Дневные <...> записки» Ярославова интересны как сочинение обыкновенного человека, осознавшего свое право рассказать обо всем, чему он был свидетелем, рассказать просто, беспристрастно, так, как он умеет, рассказать для *памяти*. Последний вологодский летописец? – В какой-то мере да. Но описывает Ярославов не только и не столько деяния и события, достойные увековечивания, а повседневную, будничную жизнь своего города и своего дома, где событиями становятся визиты, свадьбы и похороны, рождение внука Алексея [18, III, 113 об.], получение гостинцев от сына, живущего в Саратове, покупка лакированной шляпы или размолвка с женой («Сего утра я и Феня друг против друга словами огорчили» [18, III]).

Десять лет разделяют дневник Андрея Ивановича Тургенева (1801–1802) [4, 100–139] и журнал А.Т.Ярославова (1790–1792). Первый создаётся в столице двадцатилетним интеллектуалом, поэтом, увлечённым Руссо, Шиллером, Гёте и занятым огромной внутренней работой над совершенствованием своей души. Второй упорно, день из дня, ведёт 65-летний провинциальный чиновник в отставке, описывающий, «не мудрствуя лукаво», обыкновенную жизнь обыкновенных людей. Несмотря на разность целей, объектов изображения, способов «освоения» мира, несходство возраста авторов и их душевных запросов, оба текста связаны с одной и той же сентименталистской дневниковой культурой, хотя и принадлежат к разным этапам её развития.

Литература

1. Вильк Е.А. «Итальянский дневник» Н.А. Львова // Русская литература. 2000. № 2.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977.
3. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 8. Ед. хр. 48.
4. Из дневника Андрея Ивановича Тургенева / Публикация и комментарий М.Н.Виролайнен // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989.
5. Кулакова Л.И. М.Н. Муравьев // Уч. зап. ЛГУ: Серия филол. наук. Вып. 4 Л., 1939.
6. Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968.
7. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова; Л.; Вологда, 1999.

8. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Итальянский маршрут Н.А.Львова в 1781 г. XVIII век: Сб. 19. СПб., 1995.
9. *Муравьев М.Н.* Письма. / Публикация Л.И.Кулаковой и В.А.Западова. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
10. Отчёт публичной библиотеки за 1908 г. Пг., 1915.
11. *Палиевский П.* Документ в современной литературе // Иностранная литература. 1966. № 8.
12. *Росси Л.* К поэтике русского сентиментализма: отрывки // Contribut. Italiani Al XII Congresso internazionale Degli slavisti. Estratto. Napoli. 1998.
13. *Топоров В.Н.* «Дневник» Андрея Ивановича Тургенева – бесценный памятник русской культуры // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XIX вв. Таллинн, 1985.
14. *Топоров В.Н.* Два дневника: Андрей Тургенев и Исиакава Такубоку. Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989.
15. *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н.Муравьева // Русская литература. 1981. № 3.
16. *Фрич Е.В.* Начало пути Л. Толстого и документальная автобиографическая проза конца XVIII – первой половины XIX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1976.
17. *Шикин В.Н.* Дневник // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
18. *Ярославов А.Т.* Дневные записки // РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Оп. 90 (т. I); Оп. 91 (т. II); Оп. 92 (т. III); Оп. 93 (т. IV).

---

* Здесь и далее в статье в квадратных скобках жирным курсивом указан номер цитируемого издания по списку литературы, приведённому в конце статьи (с. 231).
обычным шрифтом – страницы.